

© С. Алымов

«Я стал социальным антропологом в Ленинграде»

Интервью с Петром Скальником

Сергей Алымов¹: Расскажите, пожалуйста, немного о своей семье и детстве, кто были Ваши родители?

Петр Скальник: Я — второе поколение моей семьи, кто учился в университете, а мои родители — первое. До этого мои дедушки и бабушки получали профессиональное или среднее образование. А потом пришла война, и мои родители не смогли доучиться в университете, потому что немцы, национал-социалисты, закрыли ВУЗ на чешском языке. Был ВУЗ на немецком языке, но туда родители, конечно, не пошли. После войны был очень большой спрос на университетское образование, и они пошли учиться. Поженились они накануне конца войны, а я родился 5 июля 1945 года, уже после того как война в Европе кончилась, так что я уже послевоенный ребенок.

Родители учились в университете и одновременно растили детей. Моя мама героиня — она училась, окончила университет, родила четырех детей. Один из них умер, но трех детей воспитала. Она была ведущим этнографом страны, в возрасте 29 лет стала главным редактором чешского журнала

Алымов Сергей, к. и. н., ст. н. с. ИЭА РАН. alymovs@mail.ru.
<https://orcid.org/0000-0001-9988-9556>.

Скальник Петр, профессор emeritus Вроцлавского университета (Польша).
skalnik.petr@gmail.com.

Для цитирования: Алымов, С.С. «Я стал социальным антропологом в Ленинграде»: Интервью с Петром Скальником // Антропологии/Anthropologies. 2022. № 2. С. 231-251, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2022-2/231-251>.

¹ Публикация выполнена при поддержке РНФ (проект № 22–18–00241); организация, осуществляющая финансирование — Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН).

«*Český lid*» (чешский народ). Это журнал, который и сейчас существует. Тогда эта наука называлась «народопись» или описание нации. Потому что *národ* по-чешски — это нация, а *lid* — это народ. Отец в университете изучал эстетику и театр, а мама пошла на *národopis*-этнографию.

Отец, конечно, тоже должен был работать. Он работал даже по ночам, у него в туалете была пишущая машинка «Ундервуд», и он там печатал, чтобы дети не просыпались. Мой отец сначала работал в гостиницах (он был экономист), а потом пошел в авиалинии и работал там до своей отставки, которая была вынужденной. Ему было всего 50 лет, но его исключили из компартии, и он стал безработным.

Они закончили университет в 1952 г. Отец был сначала социал-демократ. В 1948 г. произошло объединение левых социал-демократов с коммунистами, а правые вообще были изгнаны за границу или просто бежали. Мама только после того как закончила университет, зачислилась в кандидаты, а потом стала членом компартии.

Меня воспитывали больше дедушка и бабушка с маминой стороны. Конечно, я встречался с другим дедушкой, но он жил не в Праге (где я родился), а в Брно, во втором по величине городе, откуда мой отец приехал в Прагу, как раз из-за войны, чтобы избежать *Totaleinsatz*² — это когда посылали молодых людей в Германию работать на фабриках. Мой отец этого избежал, благодаря тому, что его отец (мой дедушка) нашел ему работу бухгалтером в Праге.

Эти трое (бабушка с отцовской стороны умерла рано, я её помню, но очень мало) воспитали меня в критическом духе. Я с маленького возраста уже понимал, что вся эта проблематика с социализмом — часто большая чепуха, и в связи с этим постепенно развивались очень большие проблемы. Критический дух развивался и из сравнения их взглядов со взглядами моих родителей, которые хотя были тоже критически настроены, но режим поддерживали. А школа была очень догматически организована. Коммунисты уже три года были у власти в Чехословакии, когда я начал ходить в школу в 1951 г.

С.А.: Расскажите, пожалуйста, о школе в которой вы учились, и о том, что повлияло на то что вы решили стать этнографом/этнологом и африканистом.

П.С.: Это не школа была... хотя я был отличным учеником по географии и по истории. Даже помню, что директор школы, который преподавал географию, он был немножко ленив и ставил меня перед классом, у карты, чтобы я показывал вещи, которые он называл, города или горы, и т. д. И я показывал ученикам, где это, он мне совершенно доверял. Один раз он сказал: гора Святого Ильи. Я не знал, но я догадался и показал, что она на Аляске.

Но школа не так уж повлияла на меня, скорее это был интерес к чтению об Африке. Я получил в 1952 г., когда мне было семь лет, три тома книг о путешествиях по Африке (авторы Мирослав Зикмунд и Иржи Ганзелка)³. Они

² Принудительный труд под властью Германии во время Второй мировой войны во время немецкой оккупации Чехословакии.

³ Ганзелка И., Зикмунд М. Африка грез и действительности. Т. 1–3. М.: Издательство иностранной литературы, 1956.

на русский тоже переводились, это известные авторы и в России. Это было очень впечатляюще, и с того времени я начал интересоваться не столько этнографией, сколько Африкой. Этнография понималась в Чехословакии как “домашнее” *Volkskunde*. И поэтому я не пошел в университет учиться по примеру мамы на этнографию, хотя маму я очень уважал, но пошел на африканистику, когда она открылась в 1961 г. Я еще не был достаточного возраста, так что я включился в группу на год позже, но сдавал экзамены за два года все вместе.

С.А. Расскажите о Вашей учебе в Ленинграде, о Ваших советских учителях и коллегах.

При коммунизме учиться за границей было невозможно, только в Советском Союзе и некоторых странах народной демократии, но это только если ты занимался, к примеру, болгарским или румынским языком, по другим специальностям не посылали. И тогда я сделал заявку и получил чехословацкую стипендию на учебу в Советском Союзе, изучать африканистику в Ленинграде. Туда я поехал благодаря маме и работе в Музее азиатских, африканских и американских культур имени В. Напрстека в Праге (*Náprstkovo muzeum asijských, afrických a amerických kultur*), где я работал летом на практике. Там в 1962 г. я встретил Дмитрия Алексеевича Ольдерогге⁴. Он был тогда в Праге, даже, я думаю, два раза приезжал в том году, и он на меня произвел большое впечатление: настоящий космополит, человек огромного кругозора и эрудиции. Я подумал, что если я могу поехать за границу в единственное место, то это будет Ленинград, не Москва. Но в Ленинграде кафедры этнографии (в понимании *Völkerkunde* потому что советская этнография занималась всеми народами мира, а не как чешская или чехословацкая только своими чешскими или словацким народом) тогда не было. А Ольдерогге основал африканистику как учебную специальность, в общем-то, первым в мире: Мелвилл Херсковиц сделал это только в 1948 г., тогда как Ольдерогге — уже в 1945 г.

После одного года учебы в Праге в Карловом университете, я поехал в Ленинград с группой других студентов. Большинство обучалось на технических специальностях, я был единственным с гуманитарной. Потом еще один, Зденек Полачек (*Zdeněk Poláček*), приехал позднее, он стал известным эфиопистом, немножко благодаря мне, так как я ему посоветовал изучать филологию амхара, а я изучал филологию хауса. В Праге, когда я учился в первый год и сделал два года в один, я изучал филологию хауса, так что это был мой африканский язык, не суахили. В Ленинграде они чередовались: один год открывали суахили, а в следующий год хауса и амхара, потом опять суахили на следующий год. Мне повезло: когда я приехал в 1963 г. поездом через Львов в Ленинград, то я попал как раз на филологию хауса, сразу на третий курс, хотя я филологией заниматься не намеревался, но была такая возможность. Этнографию там преподавал Ольдерогге и немножко В.М. Мисюгин⁵, но только как специальные предметы, а не как целую науку. Как я сказал,

⁴ Об Ольдерогге см.: Скальник П. О моем учителе // *Ethnologica Africana*. Памяти Дмитрия Александровича Ольдерогге. Под ред. Н.Б. Кочакова. М.: Муравей, 2002. С. 45–50. См. также: Попов В. А. Д.А. Ольдерогге — шеф отечественной африканистики // *Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX в. М.*, 2004. С. 450–474.

⁵ Мисюгин Вячеслав Михайлович (1924–1998) — советский/российский этнолог-африканист.

кафедры этнографии в Ленинграде не тогда было, она была в Москве. Позднее, когда я уже давно закончил университет, Рудольф Фердинандович Итс возобновил в Ленинграде кафедру этнографии.

Поезд по пути в Ленинград проезжал через Литву и Латвию. Мне удалось поговорить с местными на поезде. Они мне открыли глаза, объяснили, что Советский Союз более-менее насильственно присоединил балтийские государства. Я не знал, как там все произошло в 1940 г. Мои глаза постепенно открывались на советскую реальность, в том числе через моих одноклассников (нас было только шесть в классе хауса). У каждого была своя история. За эти четыре года в Ленинграде я абсолютно, стопроцентно решил ни в коем случае не становиться коммунистом, потому что я узнал о трагедиях Советского Союза, России и о том, что случилось при Сталине. Это произвело на меня огромное впечатление, потому что я ехал в Советский Союз с некоторым идеализмом, я думал, что встречу там людей вывшего сорта. Конечно, ничего такого не было. Я искал людей с «открытым мышлением». Сам Ольдерогте был уже тогда шефом, большим человеком. Но он был политически осторожным, хотя, скорее всего, почти стопроцентно, был членом партии. Но он никогда об этом не говорил.

Я жил в общежитиях вместе с советскими студентами, но были конечно и иностранцы, с ними я общался, тоже узнавал очень много об их историях. К сожалению, иностранные студенты как я, даже из так называемых народных демократий, не могли поехать в СССР туда, куда хотели. Например, я хотел поехать со студентами на картошку, потому что все они обязательно должны были убирать картошку в сентябре-октябре. Меня не пустили, потому что не хотели, чтобы иностранцы, даже дружественные иностранцы, видели советскую деревню в Ленинградской области. Или, например, на экскурсию на Валаам меня не пустили, потому что сказали, что это закрытая зона, или я сам уже потом догадался. Я сказал им фамилию, фамилия была в порядке. Потом они спросили отчество, я сказал Миланович, они спросили: «Вы кто?», я говорю: «Чех». — «Нет, тогда вы не можете поехать».

В Москву я ездил иногда на самолете, иногда на поезде. Моими квази-родителями были Леонид Павлович Потапов (коллега и друг моей мамы) и Эдит Густавна Гафферберг (его жена шведского происхождения). Потапов смог дать мне пропуск в музей, так что я работал там в библиотеке. Годами! Там я смог прочесть просто все, там была вся западная литература. Но, конечно, я знал еще до того работу Ольдерогте и И.И. Потехина «Англо-американская этнография на службе империализма»⁶, и парадоксально, она, особенно статья Ольдерогте о британской социальной антропологии, произвела на меня большое впечатление. Я не доверял тому, что Ольдерогте там писал. Он мне однажды потом сказал, что он немножко сожалеет, что на это его подтолкнул Потехин. Но он мне косвенным образом помог, потому что я понял, что это все по-другому, не правда, надо понимать все это наоборот. И стал интересоваться, конечно, социальной антропологией.

В библиотеке Академии наук в Кунсткамере было всё: западная литература приходила, африканистская, журналы, всё там было. Поразительно! Так что это Потапов из-за мамы мне помог. Я, конечно, потом был в контакте с отде-

⁶ Англо-американская этнография на службе империализма / отв. ред. И.И. Потехин. М.: Издательство АН СССР, 1951.

лом Африки, а также подружился с отделом Океании и особенно с Владимиром Рафаиловичем Кабо и Николаем Александровичем Бутиновым. Бутинов прошел там свой, особый путь. Он тоже один из авторов «Англо-американской этнографии на службе империализма», статьи о «психорасизме». Тогда он был совсем погружен в папуасский материал, и обнаружил, что все это марксистское по роду — неправда, что надо заниматься общиной, а не родом. И то же самое у Кабо на австралийском материале. Кабо был не только еврей (там евреев было несколько в Кунсткамере), но он был к тому же еще и в заключении в лагере. Ему помог Потапов, потому что он был когда-то во время войны в Средней Азии, и там встретился с Потаповым. Потапов ему помог, но потом, когда Потапов понял, что Кабо занимается наукой «не по Энгельсу», Потапов был против Кабо. Так что я как-то двигался между ним и лояльностью к Потапову: он меня приглашали в Комарово иногда, я ездил к нему на дачу.

Интересно, что во время моей учебы стали актуальны не только вопросы, связанные с Энгельсом, но и проблема азиатского способа производства. Я этим занимался, потому что в Ленинград приехал на короткий срок Ян Печирка⁷, мой учитель античности и греческой истории (в первый год когда я учился в Праге). Он мне рассказал о новой волне интереса к азиатскому способу производства во Франции. Перед входом в университет был киоск (который там, по-моему, до сих пор есть), в котором продавались заграничные коммунистические журналы, в том числе газета «L'Humanité»⁸. Там появился и журнал «La Pensée»⁹, и я купил там его 114-й номер, где возобновилась дискуссия об азиатском способе производства с новыми данными такими авторами, как Морис Годелье¹⁰, Жан Шено¹¹ и др.¹². Тогда же я поговорил об этом с Потаповым, но Потапов очень разозлился, он этого не любил. Он мне так сказал: «Я каждый год читаю один раз Энгельса “Происхождение семьи, частной собственности и государства” и всегда нахожу что-то новое для себя». Как известно в 1930-е годы дискуссия об азиатском способе производства была подавлена, и Потапов не хотел об этом слышать, также, как и об изучении общины Кабо и Бутиновым.

Меня интересовало государство, государство в Африке, я читал о регионе который в немецкой литературе назывался *Aaltngritishgebiet*¹³. Это была область, где ислам был слаб, и влияние европейской колонизации и с Юга тоже слабое, так что там была более-менее оригинальная африканская организация

⁷ Ян Печирка (*Jan Pečírka*) (1926–1993) — чешский историк Античности.

⁸ *L'Humanité* (фр. человечество) — ежедневная коммунистическая газета во Франции, основанная в 1904 г. Жаном Жоресом.

⁹ *La Pensée* (фр. Мысль) журнал, созданный в 1939 году Полем Ланжевром и Жоржем Коньо и другими интеллектуалами-коммунистами.

¹⁰ Годелье, Морис (*Maurice Godelier*) (род. 1934) — французский антрополог, представитель структуралистского марксизма.

¹¹ Шено, Жан (*Jean Chesneaux*) (1922–2007) — французский историк, специалист истории Вьетнама и Китая.

¹² См. об этом: Шэно, Жан Дискуссия о раннеклассовых обществах на страницах журнала «*La Pensée*» / Вопросы истории. 1967. № 9. С. 192–200.

¹³ Регион Сахель, где влияние ислама и колониализма было слабое.

общества, в том числе вождество и другие переходные формы между общинной и политической централизацией. Я прочел очень много работ, у меня до сих пор есть выписки из этих разных книг. Я решил работать в поле в этом регионе, между тогдашней Верхней Вольтой (сегодняшней Буркина-Фасо) и Северной Ганой.

Одну работу я написал по португальским и другим западноафриканским источникам, которые были переведены на английский. Моим руководителем был Абрам Давидович Дридзо¹⁴, тоже еврей, который был моим другом в отделе Африки. Он занимался маронами¹⁵ на Ямайке, но был сотрудником отдела Африки. Там еще была Ольга Томановская¹⁶, очень интересная женщина, которая потом позднее издала очень хорошую работу по возникновению государства в Африке¹⁷. Я написал потом еще одну курсовую работу, которую отвергли. Отверг ее Вячеслав Михайлович Мисюгин, потому что я там более-менее соглашался с тем, что государство или вождества возникали из-за того, что там были элементы как пришлых завоевателей, так и местного населения. Но Мисюгин это отверг как мифы в духе «Великой Германии» и написал на полях: «функционализм Малиновского». Работа была отвергнута. Это было уже накануне моей дипломной работы, подготовка к ней. Я тогда должен был принять решение, сделать тактический ход, чтобы успешно закончить Ленинградский университет. Я убедил Ольдерогге, что я напишу дипломную работу на английском. Обычно это не разрешалось, но поскольку технически я был иностранец, мне разрешили. Работа называлась “*The political systems of five voltaic societies: an attempt to make a comparative analysis*”. Надо было выбрать оппонента, и это был как раз мой замысел и трюк: я знал, что Мисюгин не владеет английским (тогда не владел), и нашли Сергея Николаевича Артановского¹⁸ из педагогического института, который был отличным знатоком теории культуры. Он согласился, и с этим оппонентом все пошло отлично с моей дипломной работой и ее защитой. В результате я получил красный диплом. Я получил его сразу же, не как мои коллеги советские, которым надо было работать где-то, куда их пошлют, прежде чем получить свой диплом. У меня не было никакой церемонии, я просто получил диплом. Тогда вообще не было церемоний, люди приходили после работы откуда-то издалека, спустя год, чтобы забрать свой диплом.

В общем, я понимаю, что моя учеба в Советском Союзе была очень важна как для моих политических взглядов, так и в научном плане. Я стал социальным антропологом в Ленинграде благодаря самообучению в библиотеке Академии наук в Кунсткамере. Частично, конечно, Ольдерогге повлиял на меня,

¹⁴ Дридзо Абрам Давидович (1925–2003) — советский/российский этнолог, специалист по истории и этнографии стран Южной и Северной Америки.

¹⁵ Ямайские мароны происходят от африканцев, которые освободились от рабства и основали общины свободных чернокожих в гористой части острова Ямайка.

¹⁶ Томановская, Ольга Сергеевна (1925–1986) — советский историк и этнограф, ученица Д.И. Ольдерогге.

¹⁷ Томановская О.С. Изучение проблемы генезиса государства на африканском материале // Основные проблемы африканистики. М., 1973. С. 273–283.

¹⁸ Артановский Сергей Николаевич — доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.

но я более-менее сам научился быть социальным антропологом. Я решил, что это будет моя наука.

Также благодаря моему привилегированному положению Потапов устроил меня в Тувинскую археологическую экспедицию его ученика Александра Даниловича Грача¹⁹, с ним я поехал в 1966 г. в Туву. Это было мое первое «экзотическое» поле, где я встретился с культурой и обществом другого типа, хотя и уже советизированным. Тогда уже было больше 20 лет с тех пор, как Тува стала частью СССР, а автономной республикой она стала в 1961 г. Это был очень интересный период. Я, конечно, там должен был работать как нормальный рабочий: мы разбирали курганы на месте, где потом строилась Енисейская ГЭС. Эти курганы были расположены в треугольнике $7 \times 7 \times 7$ километров. Надо было понять, что там археологи могут найти, перед тем, как эту территорию затопят. Я нашел несколько дней для собирания местной материальной культуры в нескольких деревнях через Енисей, потому что мы были на правом берегу, а люди жили на левом. Я там собрал около ста предметов и мне удалось потом их в сундуках, а лучше сказать деревянных ящиках, послать в посольство Чехословакии в Москве. Посольство переслало это в Музей Напрстека в Праге, там до сих пор хранится эта коллекция. Но тогда ее не могли показать, потому что эта коллекция, мол, демонстрировала советскую отсталость. Директор музея в Праге мне так и сказал: «Прекрасно, здорово, молодец, ты собрал отличные материалы, практически все, что было, кроме юрты и кожемяки, почти всю традиционную культуру, но мы не можем это показать, может быть, отдельные предметы». Это было в 1967 г., накануне 1968 г. Тогда уже в Чехословакии была более-менее либерализация, но слабая, и директор еще боялся сделать такую выставку.

Потом благодаря контактам моей мамы Алексей Иванович Робакидзе из Грузии (он там заведовал отделом Кавказа в Академии наук Грузинской ССР) пригласил меня в его экспедицию в Северную Осетию. Мы работали в Куртатинском ущелье²⁰ примерно месяц. Я там очень интересовался местными языческими культами. Это было потом предметом моих работ, у меня до сих пор есть рукопись на русском, я контакты с грузинами до сих пор поддерживаю. Это было мое второе поле, еще до третьего поля, которое было в Словакии.

Благодаря своему русскому, который тогда был отличным, я мог свободно передвигаться по Советскому Союзу. Во Владивосток я не попал, но был в Иркутске, Омске, был в разных городах. С группами чехословацких студентов я поехал в Среднюю Азию, был во всех республиках, кроме Туркмении, был в Мурманске зимой, в декабре, или почти зимой. Я ездил в Прибалтику несколько раз, тоже закрытое было все это, в Печоры, в Псков, в Новгород.

Меня навещали мой отец с братом, моя сестра с дедушкой тоже приезжали, я их приглашал, делали разные экскурсии вокруг Ленинграда, с отцом даже поехали в Таллин, без разрешения, на счастье все вышло хорошо. Один раз

¹⁹ Грач, Александр Данилович (1928–1981) — археолог, крупнейший специалист по археологии древних и раннесредневековых кочевников Центральной Азии.

²⁰ Куртатинское ущелье — часть исторической территории Осетии, входит в Алагирский район Республики Северная Осетия-Алания.

я был арестован в Кишинёве, потому что я снимал на рынке. А меня там интересовало то, что они арбузы солят в бочках, как огурцы, это очень вкусно. Меня это поразило, и я снял, а кто-то быстро пошел в милицию, сказал, что там какой-то иностранец снимает самые грязные места, и меня повели быстро в молдавское министерство внутренних дел, которое находилось как раз через улицу. Но там я переубедил этих людей в министерстве, что я не снимал ничего плохого, наоборот я очень интересовался их народной культурой и меня отпустили, даже не взяли пленку.

Так что я видел из Советского Союза очень много, мы с отцом и братом были также в Киеве, ели украинский борщ (который как раз сейчас получил статус культурного наследия ЮНЕСКО). Украинский борщ отличается тем, что в нем есть помидоры. Впечатление от Советского Союза было, что это страна, которая нуждается в еще одной революции. Это было мое заключение. Великая Октябрьская революция была не очень удачным делом, потому что шло насилие, и я сделал заключение, что Россия не будет настоящей Европой, если не будет еще одной революции, революции общественной, которая даст возможности для всех. Но пока подождем еще.

С.А.: Кто повлиял на Вас из чешских этнографов или западных антропологов?

В Чехословакии практически не было этнографии в советском смысле. Хотя все говорили о том, что Советский Союз наш пример, в этом отношении не поняли ничего. Это было изучение народов всего мира. В Чехословакии такого практически не было, хотя там было несколько человек, которые хотели это изучать, но они занимались скорее историей путешествий прошлого. У меня было совсем другое влияние: Ладислав Холи²¹, Милан Стухлик²² и, конечно, Ольдерогге. Холи и Стухлик учились этнографии, фольклористике и археологии, но они перешли на социальную антропологию из-за своего интереса к Африке в случае Холи и Индонезии у Стухлика. Они изучали в основном литературу по социальной или культурной антропологии и стали моими примерами. Стухлик у меня не преподавал, потому что он был музейщиком. Холи был коллега моей мамы, и его работы меня очень интересовали. Он тоже занимался распадом родового строя в Межозерье в Восточной Африке, так что его интересы были мне близки. Пока я был в Советском Союзе, они преподавали на кафедре этнографии и фольклористики (там было немного курсов по социальной антропологии в конце 1960-х годов). Потом они оба поехали за границу (успели, в отличие от меня) и работали один в Замбии директором музея, второй основал кафедру в Темуко в Южном Чили, среди араукан (мапуче). После советской агрессии они не возвратились, остались там, так что я возобновил контакты с ними только когда был уже в изгнании.

²¹ Холи, Ладислав (*Ladislav Holý*) (1933–1997) — чешский и британский антрополог и африканист, последователь британской социальной антропологии. Опубликовал монографию «*Neighbours and Kinsmen*» (1973), основанную на полевой работе в Судане. Был редактором книги «*Social Stratification in Tribal Africa*» (1968). В соавторстве с Миланом Стухликом опубликовал также книгу «*Actions, Norms and Representations*» (1983).

²² Стухлик, Милан (*Milan Stuchlik*) (1932–1980) — чешский и британский антрополог, автор монографии о мапуче Чили «*Life on a Half Share*» (1976) и других работ.

Когда я был в Голландии, я ездил на их конференцию по folk models. И потом Стухлик внезапно умер, а с Холи я еще встречался несколько раз в Шотландии, он перешел в Сент-Эндрюс и умер в Шотландии в 1997 г.

Мне хотелось сперва учиться в Америке на кафедре, которую основал Херсковиц. Херсковица уже не было, но я его еще встретил в 1962 г. в Праге, так что это был такой второй заграничный человек, который на меня повлиял. Я потом получил стипендию на обучение, мог поехать, почти уже купил билет, прошел в американском посольстве интервью, убедились, что я английским владею и т.д. Но это не вышло, сорвалась эта поездка, а потом уже не пошла и Африка. Африка стала возможной только когда я приехал в Голландию, там начал готовить поездку, которая произошла в 1978 г., первое полевое исследование вождества Нанун в Северной Гане.

Я потом подружился с Адамом Купером после того, как познакомился с ним в Амстердаме в 1975 г. Я смог поехать туда из Словакии, где я жил в полу-изгнании после Праги. В Праге уже для меня работы не было в рамках этой «нормализации» в 1970-е годы, так что я в 1970 г. перешел на полставки в Братиславу в Университет Коменского, а в 1972 г. на полную ставку. И оттуда мне удалось в 1973 г. поехать в Америку, а в 1975 г. в Голландию. В 1973 г. на Конгрессе антропологов и этнографов я встречал разных известных антропологов, но об этом наверняка надо будет рассказать подробнее, потому что я был также на конгрессе в Москве как 19-летний студент. Я уже сказал, что мое положение было немножко привилегированное, потому что моя мама была в дружеских отношениях с Потаповым и с этнографами-москвичами, таким образом я смог не только видеть и встречаться с советскими этнографами, но потом позднее и с западными антропологами. К нам приезжали еще в эти либеральные 1960-е годы Мейер Фортес и Джек Гуди. Оба меня вдохновили на изучение Нанун в Северной Гане.

С.А.: Как сложилась Ваша жизнь и работа после возвращения из Советского Союза? Это ведь были не простые для Чехословакии времена, особенно после 1968 г.?

Я хотел поехать в Африку, но в Африку мне не удалось из-за советской оккупации Чехословакии в 1968 г. — это был один из самых больших шок в моей жизни. Это было что-то абсолютно невероятное, и из-за того, что я не верил, что весь Советский Союз поддерживает вот это нашествие, я поехал в 1969 г. по приглашению Кабо в Ленинград. Я там вел дискуссии с людьми, которых я знал благодаря коллегам в Институте, о том, что не надо было никакой военной агрессии делать. Конечно, я постепенно понял, что все зависит от того, произойдет ли в самом Союзе либерализация. Но надо было ждать почти 20 лет, и это тоже было очень медленно в конце 1980-х годов. Но тогда я уже был в изгнании, бежал в Голландию в 1976 г., после того как я прожил несколько лет в так называемой нормализации, когда просоветское крыло коммунистической партии Чехословакии начало «очищение» всего общества. Это было очень неприятно, потому что я вдруг очутился совершенно изолированным человеком. Я потерял свою Родину, будучи на своей Родине!

Подавление Пражской весны повлияло очень серьезно на внутреннее положение не только партийных лидеров, но и науки, и всего общества. Не только партийные люди, но и ученые были исключены или вычеркнуты из партии. Были две категории: вычеркнут, т.е. еще мог остаться работать, и исключен:

это значило вообще теряешь работу, все. Люди теряли свои руководящие посты, но могли оставаться на работе — например, на шестинедельных контрактах, представляете? Моя мама была заместитель директора, с этого поста ее сняли в 1972 г., и до 1976 г. она была в Институте этнографии и фольклора на этих шестинедельных контрактах. И потом, в день ее рождения, в 1976 г., когда ей исполнилось 54 года, она была отправлена на пенсию. По закону пенсионный возраст для женщин был 57 лет, но за каждого воспитанного ребенка уменьшали на год. Она родила четверых, один умер, трех воспитала, значит 54 года — день рождения, и конец, все. В 54 года, представляете себе? В полном разгаре сил и работы. Такая была ситуация, такое положение в науке, что более-менее уважительные отношения между людьми прекратились.

Люди стали более-менее зверьями. Были разные ситуации, в которых люди просто не могли функционировать, их не приглашали, их перестали публиковать. Это все называлось «нормализация», но в действительности это была абсолютная «анормализация». Я, например, сделал доклад на конференции на основе своего исследования словацкой деревни с использованием социально-антропологического подхода. Его приняли, но, когда мне наконец удалось уехать в Голландию, не опубликовали, хотя до этого еще кое-как публиковали, но с очень большим трудом. Я не был партийным, а вот бывшие партийные — они вообще были исключены из всего.

Я сдал в 1973 г. свою кандидатскую диссертацию, а через некоторое время ее просто возвратили мне в пакете с письмом: «Вы — политически несостоятельны, вы не внушаете доверия, вы не перспективный человек, а значит диссертацию мы вам возвращаем». И таким образом она лежала 17 лет, до защиты в 1990 г. в декабре. Вот такие вещи. Я в конце концов понял, что для меня нет никаких перспектив, мне так и сказали, декан мне сказал: «Вы ни в каком учебном или культурном заведении работать не сможете, вам, может быть, можно в какой-то музей попасть, если хотите».

Если вы смотрели журнал «*Current Anthropology*», у меня там в 1968 г. есть комментарий на «*Social Responsibility Symposium*». Было такое очень известное дело, три доклада и потом комментарии. Я написал комментарий, в котором критиковал подход подгонки фактов под теорию²³. Я критиковал это и вообще сталинистские подходы. Это в Чехословакии никто не читал, но читали советские коллеги, в том числе, конечно, высшего ранга, и передали это через директора чехословацкого в Братиславу, где я тогда уже работал в какой-то полу-сылке, полу-изгнании. Меня вызвали в партийное бюро и сказали: «Вы написали вот такой комментарий, вот такую статейку?» Я сказал: «Да». Они говорят: «Ну, тогда здесь вот она, и переводите, пожалуйста для нас». Но у них уже было в столе все переведено, они думали, что я переведу как-то нечестно. А я не стеснялся, у меня не было ни чувства вины, ни чувства неправомерного поведения. Я перевел точно. Они тогда сказали: «Хорошо-хорошо, вы показали, что вы не против нас, но покажите, что вы с нами».

Вот такие речи пошли, и начались так называемые комплексные оценки каждые два года. Что это значит? Первый вопрос был: «Вы одобряете вступление войск Варшавского договора в Чехословакию?» Это было не что иное,

²³ Berreman, Gjessing and Gough: Social Responsibility Symposium // *Current Anthropology*. 1968. Vol. 9(5): 425 <http://www.jstor.org/stable/2740394>.

как политическая проверка. Но они, те кто были в комитетах, преподносили это как комплексную проверку: мы также интересуемся вашей работой и т. д. Но честно говоря, это была ясная провокация с целью найти людей, которые не так уж соглашались со всем в этой так называемой нормализации. Я первый раз прошел проверку, второй раз уже нет, и таким образом моя работа на братиславской кафедре кончилась. Я был в общем-то не членом кафедры, а членом единственного института, который назывался этнологическим, там был при кафедре «Кабинет этнологии». Но не имея из-за вышесказанного кандидатскую степень, я был так называемым «специальным работником». Когда я во второй раз не прошел проверку, мне не осталось-то в общем ничего другого, кроме как искать новую работу. Работать должен был каждый. Во внутреннем паспорте была печать о месте работы, тогда нельзя было не работать. И тебя даже в тюрьму могли посадить, поэтому даже проститутки должны были найти себе какую-то работу, чтобы там у них была печать в этой книжке. Эту книжку надо было все время иметь при себе. Я один раз вышел кого-то встречать перед домом, и сразу же полицейский подошел и говорит: «А где ваше удостоверение?», я говорю: «Наверху, у меня дома, я здесь живу». Были люди, которых просто арестовывали прямо на месте, если у них не было этого удостоверения.

Я тогда работал с Генри Классеном над книгой «Раннее государство»²⁴. Этот термин я придумал, потому что дело было как раз в том, что классов там не было. Советский термин раннеклассовое государство мне не нравился, он мне не казался правильным. Я называл это раннее государство, а мой коллега Классен начинал с термина «примитивное», первоначальное государство. Он меня пригласил на базе специального гранта или просто приглашения на полгода в Голландию, чтобы закончить книгу. С некоторыми, скажем, довольно драматическими условиями, мне наконец удалось поехать туда через Румынию и Югославию, но было уже ясно, что я не вернусь. Меня осудили чуть позднее на 30 месяцев тюрьмы, но я был уже за границей, так что не было никакой опасности. Кроме как если я по ошибке вернулся бы, или может быть по каким-то другим причинам. Есть люди, которые не могут жить без своей страны. Но я уже сказал, что я чувствовал себя как человек, которого выбросили: из работы, из его существования, его сущность была нарушена и люди вокруг, мои друзья, о которых я думал, что они того же убеждения, начали просто играть в коллаборационистские игры и даже своих родителей осуждали, как Павлик Морозов. Страшное дело было.

С.А.: Расскажите о Вашей жизни в эмиграции.

Это не эмиграция, потому что эмиграция — это дело законное, ты просишь, и ты можешь эмигрировать; так многие евреи поехали в Израиль. Но я бежал, я был беженцем, человеком, который должен был бежать. Я попросил в Голландии статус беженца, но не получил. Там у них были две категории, я получил «asielrecht», что по-голландски значит «с правом убежища», но не беженец, который мог потом получать деньги и т. д. Я имел с этим «правом убежища» возможность работать, найти работу. И после моего этого гранта, я нашел работу в *Institute of Social Studies* в Гааге, есть такой англоязычный институт по развивающимся странам, и там я потом немножко поработал. А через восемь месяцев я уже почти был на дороге в Нигерию, где

²⁴ Claessen, H. J. M., and Peter Skalník (Eds.) *The Early State*. The Hague: Mouton, 1978.

Джек Гуди нашел мне место в Зариа²⁵, есть такой университет, *Ahmadu Bello University*²⁶. Я туда почти поехал, но нашлась еще одна возможность: в некоторых голландских журналах вышло объявление о вакансиях. Я отправил заявку в Лейден, и незадолго до того, как я почти поехал в Нигерию, оказалось, что меня вызывают на конкурс, и я сдал этот конкурс. Это было полставки, но полставки было достаточно для того, чтобы прожить. Так что я тогда был в Голландии и не поехал ни в Судан в 1976 г., ни в Нигерию в 1977 г. Но я начал ходатайствовать о полевой работе там, куда я хотел давно поехать: в Африку и особенно в Северную Гану, где было не изучено вождство Нанун. И, наконец, я получил стипендию от голландского фонда «WOTRO»²⁷ и поехал с рекомендацией трех людей, по-моему, один из них был Эрнест Геллнер. И началось мое полевое исследование, которое было завершено разными публикациями²⁸, и еще у меня большая монография лежит неизданная, потому что там очень много нового произошло, и я хочу еще дополнить. С другой стороны, эта невозможность поехать за границу и особенно в Африку дала мне возможность в Братиславе изучать деревню Шунява в Северной Словакии. Это было очень интересно для меня, я сделал целый ряд публикаций на эту тему²⁹. Просто вместо Африки у меня была Словакия.

В Голландии я был в университете г. Лейдена с 1977 по 1981 гг., потом в Голландии начались меры по сокращению ставок. Голландцы подсчитали, что не могут столько денег давать на такие отрасли, как наука, и моя ставка стала 1/3, а потом ничего. Но в Голландии есть система социального обеспечения, так что я получал более-менее те же самые деньги еще несколько месяцев. И это еще не называлось «безработица», а степень социальной поддержки. За эти деньги я смог опять поехать в Гану и не должен был ходить каждые одну-две недели показывать себя — что ты еще жив, или что ты не работаешь и т.п. Это было позднее, когда я возвратился из Ганы в 1983 г., когда я действительно стал официально безработным. Тогда мой коллега из Лейдена Адам Купер, известный южноафриканский, британский и голландский антрополог, написал мне рекомендацию в Южную Африку, где искали кого-нибудь на кафедру социальной антропологии в Кейптауне. Я не думал, что я когда-то попаду в Южную Африку, тем более во времена, когда она не очень одобрялась в Европе из-за апартеида. Но Адам сказал, что это другое дело, и что этот университет осуждает апартеид — и так оно и было. Хотя это был так

²⁵ Зариа — город в штате Кадуна на севере Нигерии.

²⁶ Ahmadu Bello University — государственный университет в г. Зариа, Нигерия.

²⁷ Netherlands Foundation for the Advancement of Tropical Research (WOTRO)

²⁸ Skalník P. On the inadequacy of the concept of 'traditional state' (illustrated by ethnographic material on Nanun, Ghana) / *Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law*. 1987. Vol. 25–26. P. 301–325; idem. Outwitting Ghana: pluralism of political culture in Nanun / in *Outwitting the State*, ed. by P. Skalník, pp. 145–168. New Brunswick: Transaction, 1989; idem. Chieftaincy and political culture: the case of Ghana" / Drulák, P. and Moravcová, Š. (eds), *Non-Western Reflection on Politics*. Frankfurt: Peter Lang, 2013. P. 107–121.

²⁹ Skalník P. Modernization of the Slovak peasantry: two Carpathian highland communities / *Anthropology and Social Change in Rural Areas*. Ed. by B. Berdichewsky. P. 253–261. The Hague-Paris-New York: Mouton, 1979.

называемый «белый университет», но все-таки при помощи разных правовых трюков они принимали и черных африканцев.

Я получил отличную оценку, меня пригласили туда сначала только на курс, купили билет, и я полетел в Кейптаун. И даже за эти четырнадцать дней мне показалось, что не все так уж просто с апартеидом; что эта часто упоминаемая ненависть, не такой уж ненавистью является. Во многом этих людей, которые в системе апартеида были в низшем ранге — их защищают. Тот, кто изучал американские резервации, лучше поймет, что тут было не так все просто. Поезда были сегрегированы, но если я влезу в черный отдел, для «*nie-blankes*» (не-белых), то меня выгонят оттуда. Я просто не имею права туда влезать. Так и черные африканцы не могут влезать в белый отдел. Но об этом можно долго говорить. Конечно, общественные отношения были сегрегированы, и до сих пор это так. До сих пор очень мало черных африканцев или африканцев не из ЮАР живет в бывших белых кварталах. Очень мало. Это значит, что практический апартеид продолжается до сих пор. Но, конечно, есть и другая политика, в университетах, например, и на разных общественных или политических постах. Там все по-другому, там настоящий *affirmative action*, т.е. специальный, преимущественный прием черных африканцев на университетские и политические посты, на посты в разных корпорациях. Но это опять же большой предмет для дискуссий и разговоров. Во всяком случае меня приняли очень хорошо, не только коллеги, а просто в Южной Африке я не чувствовал себя чужим, как тогда у себя дома в Чехословакии. Конечно, тогда никто не предполагал, что относительно быстро рухнет коммунистическая система, так что я туда приехал жить и умирать, пожизненно. Хотя ситуация была очень трудная иногда. У меня были коллеги, которые были очень большие марксисты, но ездили они на BMW, просто лицемеры. Но я как настоящий марксовед, который знал очень хорошо его работы, я не мог, конечно, согласиться с их поведением, с их лицемерием, так что я их критиковал.

Благодаря тому, что я знал голландский, я быстро научился говорить на африкаанс. Это язык, который возник в Африке на базе голландского, индонезийского и африканских языков. Я выучил этот язык и начал строить планы полевой работы среди так называемых смешанных, метисов — но это не то слово. Для них было понятие «*coloured*»: то что в Америке для всех черных, там было для этих метисов. Не только белые африканеры, но и метисы тоже в большинстве своем разговаривали на африкаанс. Так что я хотел изучать этих метисов, недалеко от Кейптауна, но это, к сожалению, не удалось. Это место называется Франсхук, недалеко от Кейптауна. Там большинство населения потомки гугенотов, которые пришли из Франции из-за преследований протестантов во Франции в конце XVII века. В этой деревне возникла кооперация, такой кооператив прогрессивных фермеров, которые хотели улучшить положение своих работников, т.е. «*coloured*», цветных. Во всяком случае эта работа, этот проект не осуществился из-за публикации американского довольно известного постмодерниста Винсента Крапанзано. Он был в этой деревне до меня, и он там практически не встречался ни с какими цветными, он встречался только с белыми, которые его угощали как какого-то друга. А потом он написал книгу, которая более-менее изображает их как злых расистов. Книга называется «*Waiting*»³⁰ (Ожидание). Крапанзано до-

³⁰ Crapanzano, Vincent. *Waiting: The Whites of South Africa*. New York: Random House, 1985.

вольно известен своими работами по Марокко и менее знаком по этой книге. Это была такая провокация для этих людей, когда они ее прочитали — они его угощали, дружили с ним, он изображал из себя друга, а написал о них, конечно для американской публики, осуждающую работу, которая их изображает как каких-то злых зверей. Кто-то даже среди этих 30 с небольшим упомянутых лиц совершил самоубийство из-за этого. Он, конечно, написал книгу как будто бы о неизвестной деревне, но все в Южной Африке знают такое специфическое место как Франсхук, и просто все узнали друг друга. Он там изменил имена, но это было смешно все, так как все узнали друг друга, и все видели какие интимные дела он публиковал. Он опубликовал под своим именем, как будто бы он это написал, но вся книга — это цитирование того, что ему сказали эти люди. Тогда даже эти прогрессивные фермеры сказали: «Нет, больше никаких исследований не хотим».

Это сорвалось, но у меня развивались еще другие проекты, и один из них — это как раз недавно наконец, после 35 лет, опубликованная статья о сравнении советской теории этноса с южноафриканской. Пишется одинаково, кстати — *ethnos*. Не только это, конечно, там очень много что можно сравнить. Эта статья вышла только на французском, потому что Адам Купер, бывший тогда редактором «*Current Anthropology*», боялся ее опубликовать. У него были советники: Тамара Драгадзе³¹ ему сказала, что лучше не публиковать, потому что Ю. Бромлей показан в не очень положительном свете. А он защищает многих своих работников в Институте, т.е. он лицо положительное в этом смысле, так что ему не надо вредить такой статьей. Но я хотя бы выступал на конференциях с этим докладом, потом опубликовал ее на французском в «*Cahiers d'études africaines*», и Тишков очень быстро понял и цитировал мою работу. Он прочел, в отличие от многих других, которые французским не владеют. Не знаю, владеет ли он, в любом случае, ему перевели, и он цитировал. Наконец статья вышла на русском в «Этнографическом обозрении»³². Так что это было что-то интересное из моего пребывания в Южной Африке, что я сделал.

Потом я поехал в Лесото, с одним коллегой, Тимом Квинленом (*Tim Quinlan*), который там работал по экологической антропологии, а я сделал фильм с ним в сотрудничестве. Фильм о том, как работает этнограф в поле³³. Тим Квинлен — главный герой этого фильма. Мы сняли, что он там делает с утра, когда он умывается, небольшая пробежка, и до разных интервью с людьми, показывает там разные экологические зоны и так далее. Так что я был в Лесото в поле в настоящей деревне высоко в горах. Лесото — очень красивая страна, но очень бедная. В Южной Африке есть вот такое явление: государство, которое убежало от африканеров. В XIX в. главный вождь Мошеш I повел своих людей в горы, чтобы избежать нашествия африканеров, которые искали место для земледельческих работ. В горы они не пошли.

³¹ Драгадзе, Тамара (*Tamara Dragadze*) — британский социальный антрополог грузинского происхождения. Автор книги «*Rural Families in Soviet Georgia*» (1988).

³² Скальник П. Советская “теория” этноса и ее южноафриканская параллель / Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 72–85.

³³ «*Doing fieldwork: An Anthropologist in the Field*» (with Tim Quinlan), 39 minutes. 1989.

Лесото стало протекторатом Британии в 1868 г. Это было мое поле, и меня интересовали другие люди — сан или бушмены. Бушмены в Южной Африке тогда практически не жили, они жили в Намибии, которая была оккупирована Южной Африкой. Там очень много буров-африканеров, но были и резервации гереро³⁴, овамбо³⁵ и даже специальные резервации для бушменов. Я там тоже сделал фильм о бушменах, не только в резервациях, но и на фермах, в миссиях и у гереро. Они были у гереро подсобными работниками. Меня интересовало вот это положение, потому что в этих миссиях, фермах, и под управлением гереро жило больше бушменов, чем в самой специальной резервации для бушменов. Это малоизвестная тема.

В общем, я занимался этими фильмами. Еще несколько я сделал в 1990 г. про бидонвили: это небольшие импровизированные жилища на территориях ферм недалеко от Кейптауна. Было большое движение, чтобы помочь им. Большинство из тех, кто там жил, были цветные. Они меня с одним моим студентом приняли очень хорошо, и мы сделали фильм о них, *People of Disa river*³⁶ (Люди реки Дайса). Их наконец оттуда выселили, но с тем что им дать другое жилище, до этого у них никакого постоянного жилища не было. В Южной Африке надо очень четко различать разные локации — по плану построенные коллективные дома, как например известные Соуэто³⁷, и эти неформальные жилища, которые просто возникают из разных отбросов деревянных и металлических. Внутри они могли себе очень даже красиво сделать, но это были, конечно, очень ненадежные жилища. Например, около Кейптаунского аэропорта были перекрестки, на которых жили тысячи людей в этих импровизированных хатах.

Мы ездили со студентами в эти, можно сказать, трущобы, и там было несколько исследователей, которые даже жили вместе с обитателями этих трущоб и написали очень хорошие работы. Но об этом я опять писал на чешском и словацком, у меня есть статья об этнологии и социальной антропологии в Южной Африке, потому что там они вообще две разные дисциплины³⁸. Этнология развивалась у африканеров, более-менее описательная дисциплина, иногда со знанием деталей, но очень слабая теоретически. А социальная антропология, конечно, опиралась тоже на старые традиции: в 1920-е годы Рэдклифф-Браун был первым профессором социальной антропологии в мире именно в Кейптауне. С другой стороны, эти африканеры опирались на немецкую и австрийскую традицию *Völkerkunde*. Я хотел

³⁴ Гереро (мбанду) — народ, живущий в основном в Намибии, а также в Ботсване и Анголе. Язык гереро принадлежит к группе банту.

³⁵ Овамбо (амбо) — народ в Южной Африке, проживают на севере Намибии и юге Анголы. Язык ошивамбо принадлежит к группе банту.

³⁶ *People of Disa River: Informal Living in 'White' Hout Bay*, 32 minutes. 1990.

³⁷ Соуэто — (англ. *Soweto*, аббревиатура от *South Western Townships*, «юго-западные тауншипы») — группа тауншипов/поселений на юго-западной окраине Йоханнесбурга. Во времена апартеида место для принудительного проживания африканского населения.

³⁸ Skalník P. Jihoafrická etnologie a sociální antropologie ve 20. století // *Acta Universitatis Carolinae-Philosophica et Historica* 2 (2004), *Studia ethnologica* XII. P 65–80.

в этих статьях показать в чем разница между социальной антропологией и *Volkskunde* в Европе, потому что в большинстве европейских стран, особенно в тех, у которых колоний не было и не было изучения населения вне Европы, возникла эта дисциплина — *Volkskunde*. Россия как империя, конечно, имела совсем другой профиль, потому что в ней изучали и славянскую этнографию, и все народы России и мира, опираясь на коллекции, которые были, например, в ленинградской Кунсткамере. Так что я хотел показать исследователям *Volkskunde* свое отражение, чтобы они поняли, что без сравнительного изучения нельзя. У них иногда была сравнительная славянская этнография в рамках Карпат (Словакия, Украина, Польша, Венгрия и Румыния), но она была очень слабо развита, такая сравнительная *Volkskunde*-карпатология.

А потом произошел переворот — лучше сказать переворот, чем революция — и коммунизм официально исчез. Конечно, он еще проявляется в посткоммунизме, который до сих пор существует, но в 1989 г. в Польше, Венгрии, потом в Румынии, Чехословакии и Болгарии, а потом еще в Албании, произошли большие изменения. В конституциях убрали статью о ведущей роли коммунистической партии. Это очень важно, потому что как можно говорить о демократии, когда ты включаешь в конституцию статью о том, что одна партия навсегда является гегемоном всей жизни? Эти изменения, конечно, повлияли на меня очень сильно, потому что причины моего пребывания в Голландии и в Южной Африке были политическими. Ситуация в Чехословакии стала коренным образом меняться, и значит у меня не было больше причин не возвращаться. Я также думал о том, что надо освободить место для африканских коллег, которые постепенно выросли в Африке, несмотря на апартеид, чтобы они тоже могли работать как антропологи, учёные и преподаватели.

В конце 1990 г. я приехал в Чехословакию. До этого я ее посещал два раза с голландским паспортом, потом уже мне возвратили чехословацкий, и я с декабря 1990 г. уже более-менее жил в Чехословакии. Но это было не так просто, потому что ещё из Южной Африки я два раза я ездил в Папуа-Новую Гвинею. У меня там были швейцарские друзья, один словак со швейцарским гражданством Милан Станек (*Milan Stanek*) и его подруга Флоранс Вайс (*Florence Weiss*). Эта пара там работала тоже в трущобах, но это были очень интересные трущобы в предместье Рабаула в Новой Британии³⁹.

Они занимались людьми, которые переселились из долины р. Сепик на самом севере острова Папуа-Новая Гвинея. Я поехал изучать этот бидонвиль, эти трущобы, которые были сколочены из досок. Мне там в течение нескольких часов сделали домик, такую квартирку без крыши, потому что крыша была над всеми этими трущобами. И я там тоже занимался съемками и съездил как раз в места, где на Сепике жили те люди, которые переселились на 1000 км в этот Рабаул и там уже поселились как будто бы навсегда в этих импровизированных жилищах. Я поехал в место откуда они пришли, это была деревня Палимбей. Там работал еще в 1930-е годы автор известной монографии «*Naven*» Грегори Бейтсон⁴⁰. И они, эти двое швейцарцев, два года жили в этих двух деревнях Палимбей и Малинггай и написали

³⁹ Рабаул (Rabaul) город в Папуа-Новой Гвинее, провинция Восточная Новая Британия.

⁴⁰ Бейтсон, Грегори (*Gregory Bateson*) (1904–1980) британо-американский антрополог и специалист в области эпистемологии, кибернетики и экологии.

об этом книги на немецком языке⁴¹. Я интересовался этим перемещением, тем самым фактом, что люди решаются поехать так далеко. Китайцы так перемещаются, в Лондоне есть «Китай-город», а также во Владивостоке, Нью-Йорке и т. д.

Я тогда съездил и в места где работал Н. Миклухо-Маклай, сделал фильм о Миклухо-Маклае⁴². Там действительно некоторые важные предметы еще называют по-русски, к примеру, топор. Мне показали, где был дом Маклая, разные другие воспоминания о нем. Со времени его пребывания там прошло примерно 120 лет. Я в ходе своей работы не только там, но и на Кавказе, в Словакии, убедился, что люди, которым во время полевой работы 60 лет, помнят то, что им дедушки рассказывали о том времени, когда они были детьми. Так что диапазон 120 лет может появиться, и это очень надежные данные. Так что мне рассказывали предания о Маклае, он действительно произвел там большое впечатление.

Я съездил на Киририну, острова Тробрианда (а не Тробрианские). Я жил там в одной из деревень откуда, кстати, происходит один антрополог, *Dr. Linus Digim'rina*, который сейчас работает в Университете Порт-Морсби⁴³. Он учился в Австралийском национальном университете (*Australian National University*). А я жил у его отца и делал все вместе с людьми. Там был праздник, мне показали челны, на которых плавают с кула, я купался в пещере вместе с местными людьми. Это было недолго, но очень интересно. И конечно я съездил в саму деревню Омаракана, где живет их вождь. Он был тогда относительно молодым человеком, но, опять же, там помнили того вождя, у которого гостил Б. Малиновский. Там был еще старик, который помнил его, его узнали, потому что у меня была с собой книга Малиновского с фотографиями вождя и палатки Малиновского. Это я тоже снял на видео⁴⁴.

Я уже не смог, к сожалению, в третий раз поехать туда, я немножко заболел на островах Лихир⁴⁵. У меня был проект по изучению реакции местного населения островов Лихир на проект по добыче там золота. Это была не шахта, это была огромная кальдера (котловина бывшего вулкана), в которой находились слои в несколько десятков метров золотого порошка. Но порошок нельзя было вымывать, его надо было добывать химически, т. е. построить большую фабрику. Для этого надо было произвести разведку. Там уже были палатки, где работали австралийцы и канадцы из соответствующей фирмы. А меня интересовала реакция местного населения на эту перспективу. Потом одна из моих коллег, студентка из Австрии, там работала и сделала фильм о том, как там уже построили эту фабрику, а пока люди жили еще по-старому, традиционной жизнью. Меня интересовало, кто будет посредничать между местным населением и этой фирмой или фабрикой,

⁴¹ Stanek, Milan. *Geschichten der Kopffjäger, Mythos und Kulture der Iatmul auf Papua-Neuguinea*. Köln: Eugen Diederichs Verlag 1982. Weiss, Florence. *Vor dem Vulkanausbruch*. Frankfurt: Fischer 2001.

⁴² Mikloucho-Maclay: *First Anthropologist in New Guinea* (1990), 15 minutes.

⁴³ Порт-Морсби — город, столица Папуа-Новой Гвинеи.

⁴⁴ «Tracing Malinowski in Kiriwina», 1989. 28 minutes.

⁴⁵ Острова Лихир — архипелаг в юго-западной части Тихого океана, принадлежащий Папуа — Новой Гвинее.

и кто будет богаче, а кто будет беднее. Люди до этого жили более-менее эгалитарным способом, а позднее действительно там развилась просто огромная социальная стратификация.

Возвратившись из Папуа-Новой Гвинеи, я еще был в Кейптауне, чтобы закончить работу по контракту, и в начале 1992 г. я окончательно вернулся в Чехословакию. Там произошли очень интересные сдвиги, государство в 1992 г. постепенно распалось на Чехию и Словакию. В то же самое время я был приглашен работать в министерство иностранных дел, потом мне предложили стать послом в Ливане. Летом 1992 г. я уже прилетел в Бейрут, чтобы передать мои аккредитационные бумаги президенту. Я прожил в Бейруте четыре года. Кстати, в течение трех недель после моего окончательного приезда в декабре Чехословакия кончилась, так что я менял таблички на посольстве из Чешской и Словацкой федеративной республики на Чешскую республику. Словакия решила не открывать посольство в Ливане. Я был послом Чешской Республики до 1996 г., а потом вернулся, чтобы работать в Карловом Университете до 2002 г.

Потом началась моя работа в Восточной Чехии и в Польше, и об этом можно рассказать еще, это интересно. Мне удалось сделать сравнительное изучение трех мест: в Северной Словакии, Восточной Чехии и Юго-Западной Польше, т. е. Силезии, которая была в составе Германии до 1945 г. Деревни в Восточной Чехии и Юго-Западной Польше были уже изучены до этого, я их выбрал для повторного изучения. В Польше было исследование сразу после возвращения этого региона в Польшу в 1945–47 гг., потом в 1960-е годы и сейчас исследование мое и моих коллег. Из этого в итоге получились две книги⁴⁶, и по Восточной Чехии тоже есть публикации⁴⁷. В этой деревне я потом поселился, нашел участок земли, купил его у деревни и построил там дом. И здесь я работаю дальше, с 2006 г. до сих пор, уже семнадцатый год живу в Восточной Чехии.

С.А.: Расскажите пожалуйста о Вашем знакомстве и сотрудничестве с Эрнестом Геллнером.

П. С.: Вскоре после моего отъезда или бегства в Голландию я поехал в Англию и там встретил лично Геллнера. Я с ним наверняка, как говорят англичане, “*rubbing shoulders*” (пересекался) еще в 1964 г. на 7 МКАЭН в Москве. Он там был, и я там был, но мы не встречались, хотя я там разговаривал с одним из его предшественников, Мейером Фортесом, который даже участвовал в самом докладе и вел дискуссию с Геллнером. Но я был на других, на африканистских событиях, и вообще это было для меня интересно встретить всех больших корифеев нашей науки, которые туда приезжали: Роман Якобсон, Лесли Уайт и другие. Потом я приехал в Англию, и Геллнер устроил для меня и нескольких коллег, Фортеса, например, уча-

⁴⁶ Skalnik P. (ed.) *Mutual Impact: Conflict, Tension and Cooperation in Opole Silesia*. Wrocław: Department of Ethnology and Cultural Anthropology 2018. Skalník, P. “Opole Power Plant as a Sociopolitical Catalyzer.” Pages 17–38 in Baer, M. ed., *Agency at Work. Ethnographies in/of Late Industrialism*. Berlin: Peter Lang, 2021

⁴⁷ Skalník P. (ed.) *Dolní Roveň: poločas výzkumu/Dolní Roveň: Research at Half-time*. Pardubice: University of Pardubice, 2004; idem. *Sociální antropologie obce Dolní Roveň*. Pardubice: University of Pardubice, 2005.

ствие в семинаре-встрече, где я рассказал о теории этноса, тогда еще без сравнения с южноафриканскими теориями, просто о разных аспектах этой теории этноса. С Геллнером у меня потом довольно большая переписка была, и встречались мы при разных ситуациях. Он меня приглашал к себе на дачу, у него был домик на юге от Лондона. Очень красиво там было, у него там был свой осел. Я встречал его жену и потом побывал у него в Кембридже, когда он стал там профессором. Наконец я приехал в Кембридж на стипендию в 1992 г. и делал там на большом семинаре кембриджской антропологии доклад о Малиновском. Тогда у меня с коллегой Робертом Торнтоном (американцем, жившим в Южной Африке) была подготовлена книга переводов ранних работ Малиновского, которые были опубликованы на польском и немецком и поэтому были не известны остальным англоязычным коллегам. Книга вышла в 1993 г. и называлась «Ранние работы Малиновского»⁴⁸. На том семинаре в Кембридже даже была дочь Малиновского, и с большим интересом к этому все относились.

Я с Англией имел довольно частые контакты, ездил в Кембридж уже в 1981 г. Я ездил на один месяц в Кембридж по приглашению Джека Гуди. Он был в Праге в 1970 г., как раз накануне этой страшной «нормализации». Он еще смог приехать по нашему приглашению, и с ним я потом встречался в Варне, в Болгарии на Всемирном социологическом конгрессе и позднее в самом Кембридже. Это было, конечно, очень интересно, я там тоже выступал на семинаре Кембриджского университета по социальной антропологии. Он проходил каждую пятницу после обеда, чтобы люди не уходили. Здесь, в Центральной Европе, вы никого не найдете на работе в пятницу, а там в пятницу после обеда был основной семинар, где все обязательно должны были быть, и с большой радостью все приходили, потому что всегда там было что-то интересное и новое. Я там тогда говорил и о своем изучении Нанун и ясно сказал, что Нанун это не государство, а вождество. Гуди с этим не согласился. Но это было интересно тоже, потому что в африканистике есть проблема: все хотят доказать, что там было очень много государств, и не понимают, что государство во многом явление довольно импортированное, что самое оригинальное в Африке и Океании как раз вождество. Во многих других районах мира, в Европе, например, оно уже исчезло, а в Африке это самое интересное. Потому что эти вожди имели свое влияние на общество, но это влияние было неформальное, не так уж принудительное. Там не было такого принуждения, такого употребления силы, как в государстве — и все равно люди соблюдали правила. Так что я интересуюсь государством как противоположностью вождества. Современные африканские государства — это во многом не очень хорошо функционирующие институты, потому что там огромнейшая коррупция и злоупотребление властью. Тогда как вожди, если они не коррумпируются, могли бы быть хорошими критиками и могли бы контролировать государство, если бы им дали такую возможность. К примеру, вожди могли бы сидеть не только в своих вождеских организациях, а образовывать более-менее вторую палату парламента, вроде сената, который бы контролировал избранных политиков. Отличие вождей в том, что они наследственные.

Геллнера я видел последний раз в Праге. Он перешел из Кембриджа, когда у них в Британии ввели строгий выход на пенсию в 65 лет. Он, может быть, работал там еще год-два и перешел в Прагу, основал Центр по изучению национализма в Центрально-европейском университете, который был основан

⁴⁸ The Early Writings of Bronisław Malinowski. Eds. R.J. Thornton and P. Skalnik. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Д. Соросом, известным американским бизнесменом и финансистом венгерского происхождения. Он был основан по проекту «Открытое общество» в Будапеште, Варшаве и Праге, однако кончилось это тем, что даже в Венгрии не хотели его (там премьер-министр считает Сороса своим соперником), и сейчас он функционирует из Вены. А в Праге он закрылся еще в 1990-е годы, когда Геллнер внезапно умер в 1995 г.

Я до своего отъезда в Бейрут искал Геллнера для того чтобы с ним поговорить. Это была очень важная для меня вещь. Я искал его в Праге, но на работе его не было. Мне сказали, что он иногда ходит отдыхать в одно место, недалеко. Сказали, может быть там найдете его, в траве лежит, ну я пошел и нашел его, он отдыхал там немножко после обеда. И я спросил его: мне предлагают поехать послом в Ливан, что ты думаешь об этом? Он сказал: езжай, конечно, это же огромный опыт для тебя. Потому что у меня тогда была проблема: начинать преподавать социальную антропологию или нет. Против этого было большое сопротивление, так что надежды было очень мало. Я был огорчен этим, и это приглашение стать послом стало для меня шансом. И я тогда последовал совету Геллнера и сказал: «да, я принимаю вот это предложение и буду послом в Ливане на четыре года», и так и было.

В 1998 г. я с коллегой основал семинары в Праге, посвященные Геллнеру. На них мы приглашали многих людей и из-за границы. Я потом участвовал в конференции в Ирландии, из которой возникла посвященная Геллнеру книга «*Ernest Gellner and contemporary social thought*» (Эрнест Геллнер и современная социальная мысль). У меня там статья “*Gellner vs Marxism: a major concern or a fleeting affair?*” (Геллнер и марксизм: важная тема или мимолетное увлечение?)⁴⁹. Наконец, мы с коллегами инициировали новый том, который вышел в этом году в Великобритании. В нем участвует более двадцати авторов, называется он «*Ernest Gellner's Legacy and Social Theory Today*»⁵⁰. Так что Геллнер продолжает жить в наших мыслях и в наших работах, и мы его считаем очень важным автором для понимания современного мира. Хотя он дожил только до войны в Боснии, но не до войны, которая сейчас происходит на Украине. Так что, к сожалению, мы не можем узнать его взгляд на современную ситуацию, но я не сомневаюсь, что он бы очень был бы ранен этим всем, не сомневаюсь в этом. Геллнер считал распад Советского Союза более-менее несчастьем, в том смысле, что нет противовеса западному капитализму, хотя сейчас Россия и Китай, можно сказать, в некотором смысле больше капиталисты, чем Запад, но это другое дело.

Я думаю, что анализ национализма Геллнером — одна из самых актуальных частей его наследия. Геллнер не мог предсказать, как национализм будет изменяться, но он его считал очень важным как раз в связи с распадом Советского Союза. Он ожидал разгар национализма, этого боялся и в последних

⁴⁹ Skalník, P. ‘Gellner versus Marxism: A Major Concern or a Fleeting Affair?’ In Ernest Gellner and Contemporary Social Thought, edited by Siniša Malešević and Mark Haugaard, 1st ed., 103–22. Cambridge University Press, 2007. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511488795.005>.

⁵⁰ Skalník P. (ed.) Ernest Gellner's Legacy and Social Theory Today. Palgrave-Macmillan, 2022.

работах насчет этого ясно высказался. И действительно: XXI век пока кажется очень опасным, полным конфликтов столетием, и я боюсь, что и дальше все будет очень непросто.

*Расшифровка текста
Д.А. Москвина*

